

Игорь
ДМИТРИЕВ.

«Мой идеал: шарм—Ларисы Удовиченко, юмор—Лии Ахеджаковой, одержимость—Беллы Курковой, бюст—Софи Лорен...»

— Вы сыграли столько вельмож, прожили в искусстве такую аристократическую жизнь! Как чувствуете себя в высшем свете?

— Как в своей стихии. Еще и потому, что сам некоторым образом из этого света. Помните начало романа «Война и мир» Толстого, сцену в салоне Анны Павловны Шерер? Так вот, Анна Павловна — моя прапрабабушка. Теперь можно это не скрывать, слава Богу.

— Обращение к Богу привычно?

— Увы, в религии мало образован, но церковь почитал и почитаю. Несколько лет назад принял таинство Святого крещения.

— В связи с этим что-то в вас изменилось?

— Больше раздумий об истинных ценностях жизни, меньше суеты. Стал добрее, снисходительнее. До всепрощения еще далеко, но желание понять и простить укрепилось.

— Какие черты, свойства ушедшей аристократии вам особенно импонируют?

— Я знавал многих. То были люди высокой культуры и образованности, петербургская интеллигенция. Особенно привлекал их естественный демократизм. Внимание к людям других сословий. Простота поведения. Честь, достоинство (свойства, у нас вытравленные).

— Могли бы вы по стечению обстоятельств стать не актером?

— Пожалуй, это исключено. Что буду актером, знал уже пяти лет, когда устраивал дома кукольные спектакли. Затем — школьная самодеятельность, ансамбль песни и пляски питерского дворца пионеров (я руководил ансамблем сам Дунаевский). И в годы войны, в эвакуации, читал стихи, пел и танцевал в клубе речников поселка Нижняя Курья Пермской области. Словом, альтернативы, как теперь все стали говорить, у меня не было.

К тому же в нашей семье все жили только репетициями и премьеры. Мама, артистка балета, выступала в спектаклях мюзик-холла, в цирке. Для нее не быть в театре значило не жить, хотя ее артистическая судьба складывалась сложно.

— И все-таки на такую судьбу она вас благословила?

— Она плакала, когда я, сложив в корзинку пожитки и прихватив овчинный тулуп, отправился в Москву 1944 года поступать в театральный институт... Знаете, у нас с мамой была полная взаимопонимания, удивительно счастливая жизнь. Когда ее не стало, я потерял ангела-хранителя.

— Как жилось вам в Москве?

— Заявления подал сразу в четыре вуза, в два из них прошел по конкурсу. Поступил в

Театральная и кинематографическая общественность отметила 45-летие творческой деятельности актера Санкт-Петербургского театра комедии, народного артиста России Игоря Борисовича ДМИТРИЕВА. Мастер светлый и одухотворенный, многогранный и щедрый, играющий тончайшими нюансами чувств и актерских красок. Зритель любит его и привык видеть его на сцене и экране, как правило, если не королем, то герцогом или графом, если не принцем, то хотя бы первым министром принца Флоризеля...

встретился с такими интересными режиссерами...

— Говорят, в нынешнем театре на сцене «не раздевается только ленивый». Как относитесь к этому?

— Все эти альковные сцены, происходящие не только в альковах, но и самых неожиданных местах с маленькими и большими Верами, делаются не потому, что этого требует логика развития действия, а лишь ради коммерции. Пошлость! Появление на сцене и на экране не одетого актера вполне допустимо, но когда оно оправданно, работает на создание художественного образа и когда исполнителю его внешние данные позволяют появиться обнаженным.

Репетировал я в Театре комедии в пьесе французского драматурга Робера Тома «Фредди». Режиссер хотел, чтобы одну из сцен я сыграл, прикрытый только кленовым листком. Быть может, такое решение оправданно: Фредди — цирковой артист, для него естественно желание эпатировать. Но я предупредил режиссера: еще раз сто посмотрю на себя в зеркало, прежде чем прикроюсь листком.

— Неужели при нынешних нравах кого-то еще способна шокировать обнаженная натура?

— Теперь уже нет. А ведь недосказанность и недоказанность будят фантазию больше, чем просто голое тело. Все дело в мере, во вкусе. В том «чуть-чуть», которое и определяет искусство.

— Говорят, не так давно вы ездили в Америку проводить сына Алексея...

— Сын женат на американке, живет в Филадельфии, преподает русскую литературу в

славший, просил Шемякина подтвердить авторство. Миша сразу узнал свою работу 30-летней давности. На рисунке в присущей Шемякину манере, далекой от реализма, был изображен некто (подобие автопортрета), у кого на голове одна на другую надеты две квадратные шапочки с кисточками, какие носят по торжественным случаям студенты университетов Англии и США, а внизу дата и буквы ЛПБ — ленинградская психбольница... Через неделю Шемякин пригласил меня в город Алентайн: тамошний университет присудил ему вторую степень доктора искусства ведения. Там на моих глазах ему надели такую шапочку, как на рисунке. Фантастика! В двадцать лет, находясь в психбольнице, предугадать, как он будет признан — но не в родной стране!..

— Шемякин-художник вам так же близок, как Шемякин-человек?

— Тут сложнее. Образ его мышления для меня тайна. Люблю его работы, связанные с Петербургом Достоевского и Гоголя, его иллюстрации к Гофману. А его изысканнейшие натюрморты или серия «Карнавалы Санкт-Петербурга» для меня загадка.

Я старомоден и консервативен. Дольше буду стоять у шишкинского пейзажа, чем перед «Черным квадратом». Предпочитаю то искусство, которое прежде всего заставляет плакать или смеяться, а уж после — размышлять, что же оно такое.

— Вам не захотелось остаться в США — с сыном, с другом?

— Мысленно примерил себя к их жизни. Живут же там наши актеры Крамаров, Видов. Но я не смог представить себя в иной стране не в гостях. Мне уже много лет, но я еще хочу заниматься своим делом. «Там» никто меня не знает, «там» я своего главного достоинства — актерской профессии — лишусь.

— Ладно, пора поговорить о серьезных вещах. Какая женщина может вас увлечь?

— В моем сердце «легком жанре» попробую сформулировать свой идеал. Деликатность — моей матери, верность — моей жены. Логика — Галины Старовойтовой, шарм — Ларисы Удовиченко, юмор — Лии Ахеджаковой, одержимость — Беллы Курковой, глаза — Светланы Тома, бюст — Софи Лорен, ноги — не знаю чьи — видел вчера на Невском.

— Есть формулировка «человек без комплексов». Отсутствие комплексов, по-вашему, достоинство или недостаток?

— У здорового человека комплекс, иначе говоря некоторая неуверенность в себе, потребность и умение анализировать и корректировать свои устремления и поступки отражает гуманную жизненную философию. Помоему, человек без комплексов — существо, считающее себя всегда и во всем правым. Такие люди опасны.

— Как относитесь к происходящему в стране?

— Не состою ни в каких партиях, не участвую в митингах, не подписываю воззвания. Но страшно за все переживаю, курю, глотаю валидол.

— Как предполагаете жить при рыночных отношениях? Не собираетесь заняться предпринимательством? Оплата труда актеров у нас по статистике довольно мизерная.

— Мне предложили вступить в кооператив по разведению карпов. Они, оказывается, вырастают за месяц на 400 граммов. Но жена сказала, что в таком случае начнет называть меня Игорем Карповичем. Хотя и известно, что Жан Маре подарил сыну универсам и в день открытия сам встал за прилавок в отдел тканей отмерять парижанкам ситчик.

— Так что же, вы довольны судьбой?

— Грех жаловаться. Любимая работа, хорошая семья. Прожил большую трудовую жизнь, не очень усвоенную и благополучную, особенно в молодости. Это приучило радоваться малому. Весна, солнце — значит скоро смогу поехать на дачу, покопаться в грядках. У меня чудные цветы, альпинарий. Со всей округи натаскал валуны, на них теперь растут альпийские растения. Однажды дал концерт в воинской части за машину навоза. И ничего смешного! Подумываю перейти на бартерные отношения. Еще одна организация просит выступить и предлагает расплатиться дровами.

— Игорь Борисович, на прощание признайтесь: трудно быть красивым мужчиной?

— Спасибо за комплимент о том, что еще осталось... Никогда об этом не думал. Внешность без обаяния, души, без содержания мало что стоит.

Гостя принимала
Ольга ЛОБАНОВА.
Сфотографировал
Игорь ГНЕВАШЕВ.

Опять в лосинах, эполетах
Он скромненько стоит

бочком.

Изящен, молод

не по летам.

А хвост по-прежнему

торчком.

Эпиграмма Валентина ГАФТА.

Дружеский шарж К. КУКСО.

Пенсильванском университете. Я убедился: у него все хорошо.

Я прожил в Штатах три месяца, снялся у режиссеров Анне и Роберта Воям в фильме о художнике Михаиле Шемякине, моем друге. Вот у кого сложная судьба. В Ленинграде он жил в коммунальной квартире, где было 38 жильцов. Пребывал в такой бедности, что мы, друзья, без курицы или куска мяса стеснялись к нему идти. За картины, которыми восхищается весь мир, его преследовали, сажали в психушки... Когда я гостил у него в Нью-Йорке, Михаил получил конверт с фоторепродукцией рисунка: человек, его при-